

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!
Юбер

ТУМАННЫЕ ОСТРОВА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОНСОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 4. Туманные острова**

«ИД Комсомольская правда»

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 4. Туманные острова /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-853-2

В четвертый том собрания сочинений Василия Михайловича Пескова вошли его путевые заметки и репортажи, в том числе из уникальной экспедиции в Антарктиду, которые он назвал «Белые сны». До этого так много и подробно о работе наших полярников не писал ни один советский журналист. Вернувшись, Василий Михайлович открывает в «Комсомолке» первую свою персональную рубрику о природе «Времена года» – будущее знаменитое «Окно в природу».

ББК 94

ISBN 978-5-87107-853-2

© Песков В. М.

© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	8
1963	10
Праздник огурца	10
Берег снежной земли	13
Восьмерка	16
1964	19
Елка и пингвины	21
Привет из Антарктики	25
До встречи, друзья!	26
Домой!	27
Здравствуй, Москва!	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Василий Песков

Полное собрание сочинений. Том 4. Туманные острова. 1963–1965

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«У дружбы великое множество путей».
В. Песков

Предисловие

Все менялось в «Комсомолке», только Василий Михайлович Песков не менялся. Он все годы работал одинаково, не признавая не то что компьютеры, но и пишущие машинки. Обычно он приходил с рукописью (буквально – с листами материала, написанными от руки) в стенографическое бюро в редакции и диктовал свои заметки. А стенографистки либо печатали их на машинке, а позже – загоняли в компьютер.

Какое-то время он писал авторучкой, но потом перешел на карандаши.

Рассказывал, что, будучи в музее Михаила Пришвина, великого нашего описателя природы, попросил выдвинуть ящик рабочего стола писателя. А там – карандаши, списанные до того, что удержат трудно даже и кончиками пальцев.

И свои записи в поездках он вел только карандашами.

Причуда?

Как сказать. Во-первых, карандаши не нуждаются в «подзарядке» чернилами или чем-то еще. Во-вторых, записи не расплывутся под дождем или снегом, даже если бумага промокает насквозь.

Он просто не хотел терять ни одной своей строки, ни одной мысли.

Друзья его по путешествиям вспоминали о том, что он был страшно трудоспособен. Даже в самых тяжелых условиях, на самых трудных переходах по Африке, когда весь день тебя добивает жара, или в многочасовых походах по тайге, после трясучих вертолетных перелетов, Василий Михайлович после ужина, когда все отправлялись спать, шел еще поработать.

Карандаши Василия Михайловича.

Открывал свои записные книжки и почти до утра тщательно записывал все, что зацепило его за день.

Он знал, что иначе работать потом будет невозможно. Когда садишься перед чистым листом бумаги, каждая позабытая мелочь может свести твой труд на нет.

Интересно, что у него никогда не было телевизора. Однажды ему редакция подарила это чудо двадцатого века, но он отдал телик родным. «Не хочу тратить время на это дело... Зачем? И так не хватает дня», – сказал он однажды.

А вот газеты прочитывал целиком и очень внимательно. С завидной крестьянской основательностью. Вот это умение – быть основательным – в журналистике сильно потеряно.

Помню, что каждую заметку в «Комсомолке» обязательно читало бюро проверки. Да и сейчас читает. Это не надо путать с цензурой – просто в бюро проверки были специально обученные люди, которые быстро (чтобы успеть к выпуску номера) перепроверяли за журналистами по энциклопедиям и справочникам даты исторических событий, правильность написания названий организаций и прочие такие вещи. Чтобы не было ошибок в общеизвестном.

Так вот, за Песковым проверять было бесполезно: все точно, как в аптеке.

Именно поэтому все, что связано у него с природой, повадками зверюшек, можно хоть в учебники включать. И то же самое – с рассказами о людях. Не было случая, чтобы он что-то переврал или придумал про них.

Это великое умение – видеть, понимать и излагать точно.

Иногда я думаю, что Василий Михайлович писал все от руки именно потому, что компьютер все-таки не соразмерен человеку. Мысль привыкла к движению пера или карандаша. Они идут на равных скоростях. И тогда исчезает та самая недодуманность и легковесность, которой так много сегодня, когда мы живем и думаем в стремительном формате гаджетов и социальных сетей.

Андрей Дятлов,

заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1963

Праздник огурца

Спросите, что за праздник? Действительно, на Большой земле такого праздника нет. Тут же праздник сам собой получился, а название дали ему уже за столом – праздник огурца. На самом видном месте на самой большой тарелке лежал огурец. К нему нагибались, нюхали – свежий, пахучий, зеленый, в светлых полосках, с колючими пупырышками. На баяне сыграли шутивную застольную песню... Не много ли чести для огурца? Судите сами. Ничего в этом краю нет, кроме льда. Ничто не растет. Пингвины – старожилы острова Хасуэлла – не знают зеленого цвета. А люди без этого цвета скучают.

Кажется, третья экспедиция привезла в Антарктиду пять мешков подмосковной земли. Десяток пригоршней принес в свою комнату Николай Тюков. Поставил ящик возле окошка, пристроил лампу, поливая, опылял. До самого потолка на тонких палочках поднялись гибкие зеленые плети. Выросли на плетях три огурца. Говорят, когда они появились, местком Мирного проводил экскурсию в Колину комнату. И вот наконец праздник сбора урожая. Один огурец попутным самолетом отослали на станцию «Восток». Другой решили было послать на медпункт, но больных в Мирном не оказалось – огурец пока ждет своей очереди. На третий огурец хозяин «приусадебного участка» собрал сегодня друзей. Торжественно огурец был разрезан на одиннадцать равных частей. Подняли одиннадцать кружек...

Об одиннадцати друзьях я и хочу рассказать сегодня. В Мирном все очень любят бывать в домике этих одиннадцати. Не только потому, что он, единственный, не занесен снегом, но и потому, что отсюда ближе к земле, по которой к концу зимовки люди очень скучают. Одиннадцать друзей – радисты. Я познакомился с ними, когда самолеты по пути в Антарктиду подлетели к Рангуну. Мы не могли связаться с Москвой, зато вдруг услышали очень далекий Мирный. Стали посылать в Москву телеграммы кружным путем – через Мирный. Мы были бесконечно благодарны людям, ловившим ночью голос нашего самолета.

Николай Тюков. Самый молодой из всех и самый старший по должности. Он в Мирном начальник отряда связи. Внимательный, деловой, справедливый. Уважаемый человек. Баянист. В течение года был внештатным корреспондентом нашей газеты.

Калинин Сергей Федорович. Инженер. Высок. Молчалив. Деловит. Во время аврала, когда готовили полосу для наших самолетов, на солнце сжег губы и все время ходил с марлевой повязкой на лице. Вчера ходил по домикам с каким-то хитрым прибором – проверял, как работают автоматы, которые, если случится пожар, моментально поднимают тревогу.

Николай Ильич Мосалов, невысокий ростом. Уже немолод, однако заядлый футболист. Третий раз в Антарктиде. Пять лет назад, когда «Обь» уходила на Родину, в Чили играл с какой-то местной командой. Признается: продули. Сам понимаешь – Чили! В недавнем матче в Мирном играл за Москву. Играл правым крайним, первый тайм – в подшитых валенках, второй – в лыжных ботинках. Лучший пеленгаторщик Мирного.

Борис Антонович Косинов. Отличный радист. Здоровяк. Каждый вечер, как инспектор, обходит Мирный – такое правило: каждый день моцион. Вернется домой, никто не поверит, что был в Антарктиде, – загорел, изрядно прибавил в весе.

Сергей Иванович Перевезенцев. Великий труженик – стучит ключом день и ночь. Единственный в поселке, у которого хватило духу не забросить в угол самоучитель английского языка. Теперь слывет лихим переводчиком. Как только разговор с австралийцами, с американской станцией – сразу зовут: «Сергей Иванович...» Всех иностранных радистов обучил русскому слову «привет». Играет на мандолине. Репертуар скуден. Именно поэтому в доме давно

уже перестали любить песню «Подмосковные вечера», которую Сергей Иванович исполняет весьма старательно. Имеет нагрузку – комендант. Всю зимовку безропотно несет этот крест. Следит, чтобы койки были заправлены, чтобы не бросали окурков, вовремя носили снег для воды.

Иван Яковлевич Гнедо. Самый старший не только по возрасту, но и по жизни во льдах. В Арктике он работал со времен Челюскина, теперь Антарктида. Шутит: «Голова побелела от снега». В доме нет энциклопедии. Она и не нужна. Надо просто открыть дверь и спросить Ивана Яковлевича, в каком году случилась битва при Ватерлоо или как надо варить суп из грибов. Все знает. Если в чем усомнитесь – спорить не надо, лучше уже сразу согласиться. Жена у Ивана Яковлевича – телеграфистка радиостанции. Вчера по радио состоялось семейное объяснение. Он в Мирном, она в Москве – представляете расстояннице...

Георгий Михайлович Наумов. Радиотехник. Тоже зимовщик Арктики. Сам привык ездить и семью приучил. Решили было осесть в Ленинграде. Но вот третьего дня пришла от жены телеграмма: «Получили квартиру. Квартира хорошая. Три комнаты. А мне почему-то грустно. Вернешься, поедем-ка снова в Амдерму или еще куда. Аня». Ходит счастливый от такой телеграммы. Амдерма – это Арктика, это где белые медведи... Вот и пойми людей.

Борис Александрович Григорьев. Хороший радист, но, кроме того, он заядлый фотограф и местный изобретатель. Замучил меня расспросами о проявителях и закрепителях, о разрешающей способности объективов. Позавчера водил меня к пингвинам записывать голоса. Микрофон подносили к самому клюву важного императорского пингвина. Пингвин разозлился и клюнул ненавистное железо. Прослушали запись. Получился не то крик лягушек, не то скрип десятка телег. Впрочем, пингвины именно так и кричат.

Борис Жомов. Здоровый. Красивый. Месяц назад ушел с поездом в глубь Антарктиды. Общий любимец. За столом ему был отрезан «его» кружок огурца. В коридоре лежит самодельная штанга из шестеренок – Борис по утрам забавлялся. Сейчас Борис с пятнадцатью друзьями движется на станцию «Восток». Пять дней назад я приземлился около поезда. Борис шутил: «Хотите познакомлю с Марией Ивановной?» Мария Ивановна – это кувалда. В походе часто рвутся гусеницы. Кувалдой загоняют новые пальцы сцепления. Пять ударов – кувалда валится из рук от большой высоты и мороза. С поездом несколько раз в сутки держат связь. Сегодня Борис сообщил: «Прошли 1000 километров. Высота – 3540 метров. Мороз минус 42. Все хорошо».

И еще двое. Они живут за южным Полярным кругом. Но это не так далеко. Полярный круг проходит в трехстах метрах от главного дома радистов. А эти двое живут в километре от дома на станции.

Петр Васильевич Андреев. Серьезный человек. Серьезный радист. Но, как мальчишка, готов всю ночь просидеть у ключа. Заводит знакомство с радиолюбителями Москвы, Америки, Японии, Чехословакии, Франции.

Саша Дряхлов. Молодой и веселый. Член партбюро в Мирном. Отвечает за воспитательную работу. Есть у него слабость: смертельно любит собак. Пес Волосан вместе с ним приходит к столовой. Смотрит кино. Озорной Сашка обучил Волосана всяким веселым шуткам. Умеет считать: покажешь палец – гавкнет, два пальца – два раза гавкнет.

– Волосан, покажи, как Д. напился.

Волосан идет в снег и валяется. Люди от хохота тоже начинают валяться, потому что Д. – человек абсолютно непьющий...

А теперь шутки в сторону. Обед окончен. Съеден огурец и все, что за ним следовало. Поглядим теперь, как радисты работают. Радистов ценят и искренне уважают. Радисты раньше всех в Мирном встают. Под снегом в репродукторах мы слышим: «Говорит Мирный! Доброе утро». Потом объявляют, какая сегодня погода. Потом сообщают, кому пришли телеграмму. Радисты держат связь с Москвой и Ленинградом, с идущими в Антарктиду судами и с кораб-

лями китобойных флотилий. Много раз в день идет связь с глубинными советскими станциями – «Востоком», «Молодежной», «Новолазаревской». Идет обмен информацией со многими зарубежными антарктическими станциями. Китобоям ежедневно передается фотокопия карты погоды. Из Австралии принимаются карты погоды для Мирного. Радисты следят за поездом, идущим в глубь Антарктиды, за улетающими самолетами.

Сегодня на станцию «Молодежная» после пурги ушел первый самолет. Он повез шесть летчиков и повара, прибывших из Москвы. Радисты проводили самолет до австралийской станции Моусон. Только что с самолетом вновь установлена связь. Он прошел уже тысячу пятьсот километров и скоро прибудет на «Молодежную».

Радисты день и ночь слушают небо. В этом году один только раз в Антарктиде люди послали сигнал бедствия «SOS». Радисты услышали вовремя этот сигнал. Каждый день приносит в домики тысячи теплых слов от близких, родных и совсем незнакомых людей далекой нашей земли. Только что Коля Тюков и мне положил целую пачку радиограмм: из Ярославля, Ленинграда, Москвы и Воронежа. Разрешите всем сразу ответить: спасибо, спасибо, дорогие друзья.

А теперь пришло время получения деловых радиограмм. Утром я пошутил: «А что, если взять по радио интервью?» – «Пожалуйста», – сказали радисты.

Только что говорил с «Обью». Она идет вдоль западных берегов Африки. На корабле – большой груз для зимовщиков. Радист сообщает: «Ход хороший. Тепло. В океане легкая зыбь. Привет читателям «Комсомолки». Сейчас у ключа сидит Борис Антонович Косинов. Пытаемся во второй раз связаться с «Эстонией». На ней в Антарктиду идут сто двадцать шесть зимовщиков – наших ребят и шесть иностранных ученых. Среди наших – сын и отец Цветковы. Отец будет зимовать на «Новолазаревской», сын – на «Молодежной».

И еще одно интервью. Мне отвечает радист австралийской станции Моусон Аллан Мор: «По порядку на ваши вопросы. Погода облачная. Температура плюс два. Нас зимовало двадцать шесть человек. Один недавно неожиданно умер. Самая важная новость сегодня – ваш самолет. Наш уже приземлился. В Моусоне заправка горючим. Мы были очень взволнованы встречей. Настроение зимовщиков держалось на высоте весь год. Сейчас поднимается выше, потому что скоро домой. Нашего начальника экспедиции зовут Раймонд Макмагон. Ему 27 лет. Сейчас он руководит походом на Шельфовый ледник. В поход ушли на тракторах и собачьих упряжках. Готовимся к Новому году. Проводим уборку. Чистим, красим. Можно ли задать вопрос? Очень интересуемся: когда «Обь» зайдет к нам в Моусон? Аллан Мор».

Вахта радистов продолжается. Сейчас у приемных аппаратов и телетайпов трое людей, остальные чистили снег. Сейчас пришли, гогочут в соседней комнате, пьют чай. Николай Дмитриевич Тюков переставил баян от стенки, взобрался на стул, возится со своим огородом. Ключком ваты опыляет цветы. К новому году обещает большой урожай...

Антарктида, Мирный. 22 декабря 1963 г.

Берег снежной земли

Опять самолет. Опять перегрузка. Опять при посадке долго решали, брать журналиста или не брать. Взяли. В самолете уступили самое лучшее место – могу, положив на колени листы, писать. Изрядно трясет, но мои заботы ничто рядом с заботами радиста Коли Соловьева. Он держит связь и ухитряется варить щи на газовой плитке. Кастрюли и чайник привинчены к потолку тонкими проволоками и потому супу не удастся выпрыгнуть из кастрюли. Упоительный запах вареного лука уже дошел до кабины пилота. Он поручил штурвал второму пилоту и пробует ложкой варево. Гремят чашками и десять других пассажиров: радист уже постелил на столнице вместо скатерти старую карту Антарктики.

Идет второй час полета. На этот раз летим по краю Антарктиды к западу от Мирного, Антарктида круто обрывается в море глыбами льда. Летим над самым обрывом. Слева – снега, справа – прибрежный лед с синими трещинами. Возле трещин тюлени. Никакого внимания на самолет. Дальше за льдом густая синева воды. Она все ближе подбирается к берегу.

В Антарктиде сейчас лето. Солнце. Стаи прилетевших с Севера птиц. Пингвины сели на яйца. Тюлени кормят детенышей. Люди спешат. Спешат, пока тепло, светло и редки метели.

В четвертый раз на этой неделе самолет поднимается в Мирном и берет курс на станцию «Молодежная». Сегодня в самолете – пилы, молотки, мешки с одеждой, переносный двигатель, мандолина, пес по кличке Механик и десять людей. Люди будут строить «Молодежную» и жить в «Молодежной». В прошлом году на антарктической карте поставил точку – в двух тысячах километров от Мирного выросло несколько домиков. Восемь человек провели в них зиму – присматривались к месту.

И чем сильнее в Мирном бушевала пурга, чем громче трещали крыши под толщей снега, тем чаще шли запросы на «Молодежную»: «Подходящее ли место для большой станции?»

А потом пошли споры: быть Мирному или не быть? Мирный построен семь лет назад. Но те, кто его строил, сегодня не узнали бы Мирного. Поселка не видно. Есть только снег. Огромный толщины снежный пласт поглотил поселок. В домики все труднее входить, в домиках душно, нарушаются коммуникации. Пробовали чистить поселок – пурга за сутки сводила на нет месячную работу тракторов и бульдозеров. Стали искать место для новой станции. Выбрали «Молодежную».

А Мирный? Неужели бросать поселок? Ученые категорически сказали: «Нет, слишком важны наблюдения, сделанные в Мирном. Они привязаны к географической точке. Их прерывать нельзя!» Решили так: Мирный останется. Надо попытаться всеми средствами спасти домики от обвалов, надо продолжать наблюдения. Но и новая база нужна обязательно.

И вот в Мирном чернят снег, роют его бульдозерами. И в то же время на «Молодежную» устремились строители.

Только что прошли австралийскую станцию «Дейвич». С большой высоты видели с десяток оранжевых домиков. Казалось, кто-то из летчиков уронил на край бурой земли несколько кубиков для игры в кости. Прямо от поселка начинается поле, покрытое крошевом плоских кипенно-белых льдин. Тут, несомненно, теплее, чем в Мирном. У Мирного по льду еще можно ездить на тракторе. Тут же, среди льдин, похожих сверху на обрезки бумаги, плавают огромные айсберги. Летчик Александр Сергеевич Поляков только что позвал в кабину:

– Смотри, во время второй экспедиции на такие вот айсберги мы в первый раз рискнули посадить самолеты...

Все время идем над побережьем. Обрывы льда и море. Кое-где сквозь лед пиками прорываются горы. Рассматриваем карту: что у нас позади? Позади гора – потухший вулкан Таусс. Позади Малые Васюки. Васюки? «Васюки, – улыбаются летчики». В 1957 году тут, на пустынном льду, «сделали прибрежный временный аэродром. Работали чуть не падая от усталости.

Кто-то для поддержания духа вспомнил «Двенадцать стульев» и «Золотого тельца». Хохо-тали. В честь шахматных Васюков аэродром назвали Малыми Васюками. Картографы, тоже люди веселые, увековечили Васюки на картах.

А сейчас пролетаем прибрежные скалы. Древние, как почерневшие замки, они хранят ледяные тайны земли. Одна из скал называется Мэри – монолит. Наверное, в честь невесты или жены назвал какой-нибудь капитан...

Начинаем понемногу снижаться. Через двадцать минут австралийская станция Моусон. Будем садиться. Наш самолет на колесах не может лететь в «Молодежную», для него нет полосы. В Моусоне будем ждать встречного самолета Виктора Кубышкина. Его машина на лыжах. Она и повезет дальше. А наш самолет вернется в Мирный, чтобы завтра тем же порядком вести новую группу строителей.

Три часа сидели в Моусоне. Никакого аэродрома тут нет. Есть снежное море в голубых трещинах. Солнце и ветер залили его шершавой слепящей глазурью. Четыре десятка бочек, вездеход на резиновых гусеницах, черные пики гор и двое бегущих навстречу нашему самолету бородатых людей с кинокамерами. Ветер валит их с ног. Знакомимся. Австралийцы Мак Грат и Джофр Мерроу, совсем молодые парни, бороды для шику отпущены. Один – механик, другой синоптик. Очень рады встрече. Спешат еще и еще раз снять – мельбурнское телевидение просило их привезти фильм об Антарктиде. Мы тоже снимаем. Потом пьем кофе у нас в самолете, говорим о Москве, о Сиднее, меняемся шапками и значками. Расстаемся друзьями. Обещаем по пути на Москву взять от них посылки друзьям в Мельбурн. Наверное, это будут традиционные сувениры, какие и мы заготовить успели: пингвиное яйцо, источенный арктический камень.

Эти строчки я пишу уже на борту у Кубышкина. Самолет сильно трясет. Ребят укачало. Кое-кто спит. Пес Механик свернулся калачиком под ногами радиста. Пятеро ребят на ящиках режутся в «дурака». Давайте познакомимся с ними. Вот крайний, в серой мохнатой шапке – Леонтьев Евгений, гидролог. Минувшей ночью он дежурил на кухне, сегодня проспал, опоздал к самолету. Летчики ругались, но ждали – очень нужный сейчас на станции человек. Признался мне: «Мечтаю написать книгу об Антарктиде».

Рядом с Евгением – высокий сварщик Дмитрий Степанов. Я не успел узнать его близко. Знаю только, что он решил отпустить бороду и не бриться до самого дома. Начало бороды уже есть.

Электрик Леонид Емельянов. Сидит, пишет письмо. Мы с Леной летели от самой Москвы. Пишет каждый день по письму. Отправить собирается с кораблями, которые идут сейчас в Антарктиду. «Невесте пишешь?» – шутят ребята. Леня улыбается и краснеет...

Вот прямо против меня бысроглазый порывистый Саша Дронин. Он будет строителем на «Молодежной». Покровитель Механика, успел обучить собачонку прыжкам через руку, гавкать, когда прикажет. Это стоило Сашке двух кило сахара.

И, наконец, самый интересный из пятерых – Иван Гаврилович Карпушов. У него уже внук ходит в девятый класс, но выглядит он молодцом. С виду неповоротлив. Куртка и сапоги достались ему самых малых размеров. Когда снаряжалась экспедиция, никак не могли быстро добыть какие-то нужные трансформаторы, электросверла, стекло, еще какие-то мелочи. Иван Гаврилович взялся и добыл. Но он не снабженец. Он бетонщик. И он же арматурщик, электрик, хороший повар, связист, может ремонтировать телевизоры, крутить кинофильмы. Сейчас он всех обыграл в «дурака» и, надвинув на брови берет, листает замасленную инструкцию «Самолет Ли-2. Мандолина в самолете, между прочим, тоже его...

Летим над Землей Эндерби. Земли не видно – сверкающий, полированный снег. Из снега, как шахтные терриконы, торчат горы Скотта. Но мне не придется любоваться снежным пейзажем. Подсел радист самолета Валя Медведев, положил тетрадку стихов: «Писал в Арктике. И тут кое-что написал...».

Тут в Антарктиде, еще больше начинаешь любить человека. Снег, пустота, холодище. А человек живет. Строит, наблюдает ночами звезды, слушает какие-то шумы галактик, меряет лед, пишет стихи. У радиста целая тетрадка стихов. А нос у радиста, кажется, обморожен. Это, наверное, в последний полет на «Востоке».

Последние несколько строчек дописываю уже на «Молодежной». Очень тепло. Ребята ходят без шапок, в одних свитерах. Зеленые и ярко-красные домики и все те же голубые айс-берги. Станция живет по московскому времени. Сейчас отдам телеграмму радисту Яше Баранову и буду помогать ставить палатку. Людей в «Молодежной» собралось много, домиков всем не хватило.

Станция «Молодежная», Антарктида. 25 декабря 1963 г.

Восьмерка

После снежных катакомб Мирного станция «Молодежная» показалась курортом. Веселые, разноцветные кубики домов и главное – земля. Глаза, истосковавшиеся по земле, наконец видят ее. Под ногами гремят серые и красные камни. Камни горячие. На одном из них жесткие, как проволока, кустики мха. Это все, что может расти в Антарктиде. Каменные острова среди снега тут называют оазисами – камни собирают тепло. Рядом с «оазисом» деревянная будка метеоролога. Из-за окошка видно, как над каменным островом, окруженным снегами, дрожат, переливаются струи теплого воздуха. Точь-в-точь как степь в жаркий июльский день. В другое окно мне видны восемь парней. Сидят на камнях по пояс голые – загорают. Один из парней даже в трусах. Новички, прилетевшие самолетом из Мирного, на такое пока не решаются – нет закалки. Неделью назад на станции «Восток» я видел людей, закутанных в меховую одежду, до самых глаз натянуты свитера: иначе мороз обожжет легкие. Летчики кричали:

– Скорей, скорей! Застынут моторы...

Сейчас те же летчики в расстегнутых куртках просят у повара квасу – жарко. Но вы ошибаетесь, если в самом деле примете за «курорт» этот кусок земли, не занесенный снегами...

9 апреля 1963 года. Прощальный день. Дизель-электроход «Обь» разгружается у ледяного барьера. Снежный ветер угонял судно в море, как нитки, рвались якорные тросы. «Обь» держалась носом по ветру. Спешно выгружались на берег ящики, бочки, тюки. Под вечер «Обь» с тревожными гудками ушла курсом на теплый север. На берегу остались восемь человек. Они хватались руками за камни, чтобы устоять на ураганном ветру. Еще один, последний гудок. И все. Люди остались одни. Ни зверя, ни птицы вокруг. За спиной тысячи километров пустынного льда. Людям остались два домика, дизель, дающий тепло и свет, два трактора, гора продуктов, шестьдесят фильмов, тысяча пятьсот книг, радиостанция, приборы и тридцать шариков от пинг-понга.

Люди остались в тесном кругу. У каждого свой характер, свои слабости и привычки. Отныне жизнь каждого была на виду у остальных. Вся до мелочей. Зимовщики знают немало историй, когда случайный поступок, невниманье к другу, замкнутость и себялюбие приводили к трагедии. Нигде человек не живет так близко к другому, как на зимовке. Тут находят друзей, тут, случается, расстаются врагами. Восемь человек с «Молодежной» стали друзьями. На песчаном камне около берега кто-то из них гвоздем нацарапал восемь фамилий. Вот они: Павел Морозов, Алексей Кононов, Анатолий Коляденко, Александр Морозов, Алексей Зотов, Олег Брок, Юрий Аистов, Алексей Емельянов – гидролог, врач, повар, метеоролог, радист, два механика, плотник. Они прожили вместе двести пятьдесят семь дней. Это были нелегкие дни. И вот завтра они покидают станцию. Самолеты и пароходы повезут их в Ленинград и в Москву. Эти парни не сделали открытий, которые войдут в золотые книги навеки. Они собирали крупицы знаний о клочке земли среди льдов. Они обживали место, чтобы знать, как дуют ветры, сколько снега сюда приносят, каковы морозы на этом берегу Антарктиды и много ли тепла надо ждать от солнца.

Два раза в день Павел Морозов шел к океану – до него семьсот метров. Сейчас под солнцем, в тишине, одно удовольствие пройти к фанерной будке на берегу. А были дни и целые месяцы непрерывной морозной пурги. Ветер валил с ног. К будке приходилось идти, хватаясь за валуны, а то и вовсе ползком. Два раза в день, отогревая руки у газовой плитки, Павел снимал показания приборов, стоявших у ледяного колодца, на дне которого плескалась вода Индийского океана... Однажды от спички взорвался газ, вытекший из баллона. Сожгло кожу лица. Теперь гидролога сразу узнаешь среди зимовщиков: молодая кожа сильно загорела на солнце – настоящий курортник.

Пять раз в сутки, в любую погоду, ходил к своим приборам метеоролог Алексей Кононов. Будка, в которой я сейчас пишу, в ссадинах от лопаты. Прежде чем взглянуть на приборы, надо было их откопать. Меньше всех работы оказалось у доктора – на станции никто не болел. Доктор стал завхозом и подменял метеоролога. Только радиста Олега Брока никто не мог подменить. Целыми сутками случалось не спать: посылал через Мирный в Москву метеосводки, принимал телеграммы, записывал на пленку последние известия, стерег магнитные бури, чинил аппаратуру, крутил кино...

Семь человек были, как тут говорят, «с одной льдины». Они знали друг друга по Арктике. Они дрейфовали на льдинах у Северного полюса, зимовали на Диксоне, на Земле Франца Иосифа, в Крестах Колымских. Только одного человека никак нельзя было назвать «снежным человеком». Юрий Аистов раньше работал поваром в ленинградском ресторане «Метрополь». Юрия полярники сманили на «Обь» – плыть в Антарктиду. У семи зимовщиков не было повара. Сам начальник экспедиции попросил: останься. Остался. И оказался Юрий Аистов не только отличным поваром, но и самым веселым человеком на всю Антарктиду. Друзья полюбили ленинградца. И больше всего за то, что в столовой всегда в избытке была самая важная из приправ – неистощимое остроумие повара.

Вчера среди пирогов с джемом один оказался с горчицей. Пирог попался радисту. От хохота дрожали тарелки, а повар даже не улыбнулся. За двести пятьдесят дней зимовки Юрий не растерял оптимизма. Антарктиду он, правда, поругивал, жалуется: «Соскучился по Ленинграду. Больше меня на лед не затянешь...»

Но я уже многих узнал в Антарктиде. Вот так же ругали, а потом приехали во второй, в третий, в четвертый раз – льды имеют какую-то власть над людьми...

Зимовка окончена. Выполнена годовая программа работ. Восьмерка собирается домой. Смена уже прилетела. Идет передача приборов, знакомство с методикой наблюдений. Свободная от дел восьмерка ходит сегодня с фотоаппаратами по скалам. Кладут ребята камни в карманы – на память об Антарктиде. Суровая земля, но и к ней человек привыкает И, конечно, грустит, расставаясь.

Юрий Аистов сказал вчера: «Пойдем пройдемся напоследок». Мы взяли веревки, бамбуковые шесты, спустились на лед замерзшего океана. Пошли в сторону Москвы. До нее по глобусу пятнадцать тысяч километров. Прошли километров десять – двенадцать. Айсберги похожи с берега на столы, а когда становишься рядом, превращаются в огромные голубые отвесные горы. Они ползут в океан и скоро, как сломается лед, отправятся подстерегать беспечные корабли. То и дело под ногами с шорохом, холодящим сердце, оседает пористый снег, под снегом – вода, которую тут называют «рассолом». То и дело встречаются заметенные снегом трещины. Около айсберга змеей легла трещина с темно-синей водой. Когда снимаешь очки и ложишься на край трещины, на глубине в двадцать метров видишь голубоватое дно океана. Видно морские звезды и неподвижные камни. Юрий уверяет, что зимой из одной из них таскал рыбешку, похожую на бычков. Достаем удочки. На крючки, сделанные из конторских булавок, сажаем мясо. Ждем. Клева нет. Зато в трех шагах, в полынье, появляется страшная усатая морда. Фыркает, глубоко вздыхает. На льдину вылезает огромный тюлень. За ним еще три, поменьше.

Пока мы, бросив удочки, делаем снимки, вдоль трещины к нам бегут, задыхаясь от любопытства, пингвины. Остановились, вытягивают шеи, лопочут, бултыхаются в трещину. Из воды они появляются неожиданно, как торпеды. Прыжок вверх – и уже видишь их на льдине отряхивающими воду. Наглядевшись на двух рыболовов, пингвины уходят за айсберг. Идут, забавно покачиваясь, как старухи на богомолье. На снегу остаются следы, похожие на утиные.

Снег с трудом поддается солнцу. Зато там, где шторм уронил космы водорослей, снег и лед протаяли на всю толщину до воды...

Километрах в пяти от берега я поднял сосновую стружку – желтый, пахнувший смолой завиток дерева из-под рубанка. Стружку принесло ветром с каменистого склона, где стоят зеленые и красные домики. Там сейчас стучат топоры, звенит пила. Скоро на станции «Молодежная» вырастут новые домики. На зимовку в новом году остается человек сорок – строители и ученые. В Антарктиде вырастет новая советская научная база. Начало ей положила восьмерка зимовщиков – ленинградцев и москвичей.

...По трассе «Молодежная» – Мирный синоптики наконец обещают хорошую погоду. Завтра вылет. Новый год восьмерка встречает в Мирном, а потом два больших самолета поднимут зимовщиков в воздух. Люди соскучились по родной земле...

Антарктида, станция «Молодежная». 29 декабря 1963 г.

19

Елка и пингвины

Новогодний репортаж из Антарктиды

Можно поручиться – это самая любопытная из всех новогодних елок, какие зажглись по земле.

В Антарктиде, как известно, елки не вырастают. Антарктида знает только три цвета: белый, синий, бурый – снег, небо и скалы. Перед вылетом из Москвы мы долго думали: какой подарок от газетчиков повезти в Антарктиду? Елку! Конечно, елку! Синтетическую? Ни в коем случае! Только лесную, настоящую, чтоб и запах, и вид... Мне и поручили выбрать подмосковную елку.

Вечером 19 ноября моросил дождик. В асфальтовом шоссе отражались желтые и красные огни намокших машин. В районе Внукова наша машина остановилась. В лесу было тепло и тихо. С деревьев падали тяжелые капли. От света фонарика вскочил и ошалело задвигал ушами побелевший раньше времени заяц. Я долго искал и наконец увидел ее. Елка сверкала огоньками водяных капель. Она росла у края военного окопа, среди березовых пней.

В машине елка приятно колола щеку. В редакции ее одели в рубашку из прозрачного целлофана. Сделали надпись: «От «Комсомолки» – полярникам Антарктиды». Утром я отвез елку в аэропорт «Шереметьево» и поставил в самолете рядом с мешками, в которых лежали шапки, меховые сапоги и штаны.

Елка благополучно прилетела в Ташкент. Побывала в столице Индии – Дели. Побывала в Бирме и Индонезии, благополучно пролетела экватор. Но в большом путешествии невозможно без приключений. Полмира елка пролетела без визы. А в австралийском городе Дарвине мы сразу забеспокоились. В анкете было написано: «Не везете ли седла? Не везете ли упряжи? Не везете ли животных или растений?»

Елку спрятали в самолете. «Может, – думаем, – не заметят». Велика ли беда – провезти елку через Австралию? Заметили. Видим – выходит из самолета таможенник, тащит за гриву елку. На горячий, как сковородка, асфальт падают с елки и испаряются капли воды. Тут мы всем миром вступились за елку. Шлем в кабинеты таможни одну делегацию за другой. Очень вежливо пожимают плечами: «Закон». Но мы не сдавались. И перед самым отлетом улыбающийся человек, сам счастливый от того, что закон удалось нарушить, вручил нам елку.

После этого елка побывала в Сиднее, потом на самом краю земли – в Новой Зеландии, потом увидела белую Антарктиду. Три дня гостила у американцев в Мак-Мердо и вот уже почти месяц живет в Мирном. Наступил ее праздник. Плотник Афанасьев Федор Семенович сделал сегодня сосновую стойку. Елка расправила ветки, ожидает наряда. Геофизик Петя Астахов и я назначены одевать елку и звать гостей.

Легко сказать – гостей. Где гости? В Мирном все люди свои, а до ближайшего поселка в Антарктиде австралийского Дейвиса – тысячи километров. Поговорили мы с Петей? Гость все-таки будет!

Пингвины живут на острове Хасуэлл. Это всего в четырех километрах от Мирного. Наверно, не все знают, что пингвины – нескольких видов. На Хасуэлле живут адели. А самые важные и большие – императорские пингвины – крикливым лагерем стояли на виду у Мирного, около снежного айсберга. В жестокие морозы «императоры» вывели птенцов и сейчас всей армией двинулись к чистой воде. «Императоры» шествуют важно. Каждый по виду чином не менее, чем полковник.

Адели гораздо проще. Адели похожи на уличных ребятишек, выроставших без присмотра родителей. Безмерно любопытные, лезут куда попало, дерутся, ссорятся, воруют друг у друга камешки из гнезда, норовят и яйцо чужое под себя подкатить. Адели не боятся людей, смертельно боятся самолета и очень любят музыку. Их несколько тысяч на Хасуэлле.

Прошлой ночью мы связались с Петей одной веревкой, взяли шест – на льду появились трещины, можно нырнуть в океанскую воду – и тихонько пошли к островам. Час ночи, а мы всю фотографируем синие айсберги, снежных буревестников и хищных поморников. Пингвинам нас видно издалека. Один самый любопытный не выдержал и помчался навстречу. Бежит, покачиваясь, как старушка, машет крыльями-ластами. Так спешит, что падает на живот, и, как ладья, подгребая ластами, плывет нам навстречу по снегу. Доплыл, стал столбиком около самых сапог, вытягивает шею: кто вы такие? Посвистели – млеет от удовольствия. Явный холостяк – чистая рубашка, безукоризненно черный костюм. Его собраты сейчас сидят на яйцах и уже птенцов успели вывести. Перья у них испачканы, а этот держится гоголем и следом за нами бежит к острову.

Среди пингвинов можно ходить и день, и два – не надоест. Ну хоть эта вот сцена. Самка сидит на яйцах. Яйца лежат в гнезде из мелких камешков. Заботливый отец-пингвин идет добывать эти камешки. Спускается вниз по уступу, с самым невинным видом идет мимо гнезд, смотрит по сторонам, шурится от низкого солнца.

Но вот одна пингвиниха зазевалась, и в ту же секунду ворюга схватил клювом из-под нее самый хороший камень. И куда делась походка вразвалку – спешит, деловито взбирается по уступу, камень в клюве несет. Донес, положил подруге в гнездо. И пошел по своим делам – опять походка человека, решившего прогуляться. И невдомек воришке: пока он идет, из его гнезда тем же порядком таскает камни его же сосед.

В каждом гнезде один-два беспомощных, покрытых бурым пушком пингвинчика. Матери отчаянно орут, когда подходишь к гнезду, и прикрывают малышей своим телом. Мы решили не беспокоить колонию, спустились с камней на лед. Любопытный холостяк тоже спустился.

– Он?

– Он.

– Как назовем?

– Назовем Парамоном...

Сейчас, когда я пишу репортаж, Парамон сидит под столом и кусает мне сапоги. Сегодня вечером Парамон побудет на елке у нас, а на родной Хосуэлл отпустим его завтра.

Идет последняя подготовка к новогоднему празднику. На плоской крыше кают-компания возвышается снежная баба. Геофизик Валентин Иванов оказался великим ваятелем. Уже сняты мерки со снежного человека. Летчики, помирая со смеху, шьют сейчас этой единственной в Антарктиде женщине бюстгальтер и модную юбку. Из всех домов в «елочный комитет» поступают сигналы: готова гирлянда лампочек, готовы свечи.

– Получите конфеты, – сообщает начальник хозяйственной службы Александр Павлович Кибалин.

Прижимистый обычно начальник пообещал под елку две дюжины бутылок шампанского.

Но на елку обязательны, конечно, и украшения. А их нет. Пришлось нам с Петей бросить клич: от каждого по игрушке! Конечно, нашлись и ленивые. Но разве на ленивых держатся новогодние праздники?

И вот весь стол уже завален остроумными украшениями. Каждый постарался – подарок елке с каким-нибудь смыслом. Чтобы смысл этот был всем понятен, мы с Петей составляем сейчас «путеводитель по елке». Он будет опубликован в стенной газете и передан по местному радио. Вот две-три страницы из нашего путеводителя.

Вот они, короли Антарктиды.

«Обыкновенный гвоздь. Он из тех гвоздей, с которыми строился Мирный в 1956 году. Доставлен геофизиком Иваном Самохваловым.

Галета Скотта. Доставлена на елку корреспондентом «Комсомольской правды» с другого конца Антарктиды. Галета взята из ящика, отрытого в снегу. Она пролежала пятьдесят лет – с того года, когда экспедиция англичанина Роберта Скотта двигалась к Южному полюсу.

Пингвиные яйцо. На яйце вы прочтете надпись: «Сия бочка залита высокочтимым напитком, называемым водкою. Просьба до полуночи не вскрывать». Доставил геофизик Астахов Петр.

Огурец. Из третьего урожая, снятого в этом году на «приусадебном участке» радиста Николая Тюкова.

Камень. Простой камень. Но он привезен в Мирный со станции «Новолазаревской». А это, как известно, три тысячи километров, если идти напрямик по берегу Антарктиды.

Бычок (рыба). Пока еще не доставлена к елке. Но вот письменное обязательство Ивана Лугового, известного рыбака Антарктиды: «Хоть одного, а поймаю».

Счетчик Гейгера. Его принес, извиняясь за бедность, аэролог Владимир Бояревич. Запуская эту штуковину на высоту тридцати верст, он считает частицы космических излучений.

Рыжая борода. Натуральная борода. Запаена в прозрачный пакет. Весь год роскошная борода принадлежала сейсмологу Борису Беликову. Услышав лозунг: «От каждого – по игрушке», сейсмолог взмолился:

– Братцы, в моей хижине хоть шаром покати!

– Ну, тогда давай бороду!

Минуту подумав, махнул рукой:

– Берите, все равно скоро домой ехать.

Снял бороду радист Иван Яковлевич Гнедо. Пословицу насчет того, что, мол, «...хоть шерсти клок» не вспоминайте – Борис парень хороший...».

И так далее. Не будем читать весь «Путеводитель». Скажем только: на елке будет все, чему положено быть.

Даже есть серпантин – длинные ленты. На нашей елке он тоже будет со смыслом. Послушайте, как налажено производство этого серпантина. Каждую более или менее длинную радиogramму – деловое донесение начальника Тябина, большое письмо любимой или мои репортажи в газету – радисты сначала набивают на перфоленту. Стучит пальцами по клавишам радист, из машины сползает бумажная лента, вся в очень красивых дырочках – в дырки превратились буквы радиogramмы. Бумажную ленту ставят потом в передающую машину. Р-раз! – и за пять минут вот этот большой репортаж передали в Москву. А лента в красивых дырочках осталась. Вот тебе и елочный серпантин.

Вот такая елка у нас, в Антарктиде...

Рабочий день в Мирном сегодня короче обычного. Все бреются, прихорашиваются. Все очень веселы. Под праздник приятно сбросить тяжесть забот. Под Новый год взрослые люди стали немножко похожими на детей. Двое очень серьезных ученых только что затеяли снежный бой. Очень многие забегают взглянуть на елку: неужели из Подмосковья? Вы даже представить себе не можете, сколько радости тут, в Антарктиде, может доставить людям деревце, выращенное в Подмосковье...

С наступающим годом, друзья!

Мирный, Антарктида. 1 января 1964 г.

Привет из Антарктики

Земляков всегда встретить приятно. На краю же земли эту радость иногда просто нечем измерить. В Антарктиде посредине засыпанного снегом поселка Мирный есть столб, на котором стрелки с надписями: до Луны – 384 417 километров, до Москвы – 14 217 километров, до станции «Восток» – 1438 километров, до Вашингтона – 16 754 километра и так далее. В первый же день я сделал фанерную стрелку и повесил на столб: до Воронежа – 14 217 километров. И в первый же день стал спрашивать: в Антарктиде нет ли кого из Воронежа? Земляков вроде не было. И вдруг...

Из Мирного на станцию «Восток» двигался санно-тракторный поезд. Пятнадцать парней шли по пустынным снегам к самой отдаленной из всех антарктических станций. Я уверен: нет более тяжелой работы, чем идти в таком поезде. Высота над уровнем моря – три тысячи метров, мороз – пятьдесят градусов и только снег, снег и более ничего. И так почти полторы тысячи километров.

У ребят сломался трактор. Я попросился с летчиками, которые повезли им коробку передач для машины. Нашли поезд в бесконечных снегах. Трактора стоят, сбившись в кучу. Садимся. Пятнадцать парней в заиндевелых шапках машут руками, бегут навстречу. Обнимаемся. Достая блокнот, начинаю записывать, спрашиваю, кто откуда.

Дошла очередь до водителя Ивана Ушакова. «Я, – говорит, – из Воронежа».

– Земляк! – кричу. Бросились обниматься. Ну потом, понятное дело, расспросы, что и как там в Воронеже? Но много ли поговоришь – летчики кричат: «Скорее, скорее – мерзнут моторы».

Уже в воздухе говорю летчикам:

– Вот повезло – земляка встретил.

– А ты, спрашивают, – откуда?

– Из Воронежа.

– Батюшки! – штурман Женя Рудаков от радости уронил полетные карты. Штурман, оказывается, живет в селе Боровое недалеко от станции Солмово под Воронежем.

От «Востока» до Мирного шесть часов лету. Можете себе представить, как наговорились два земляка. Вспомнили бронзового Петра, проспект, СХИ, реку Воронеж, Лысую гору. Все это очень приятно вспоминать, когда летишь час, и два, и пять часов, и видишь только снег, снег, без единого пятнышка.

Позавчера еще одного земляка встретил. На этот раз в подснежном домике сейсмической станции. Совсем молодой парень колдует в этой будке чутких приборов. Парень отпустил рыжую бороду, глобус перевернул Антарктидою вверх, чтобы удобнее было работать. Зовут парня Борис Беликов. Сидим, говорим, пьем апельсиновый сок и вдруг я, не помню почему, произнес слово «Воронеж». Парень вскочил. Оказывается, Борис родился и долго жил в Воронеже на улице 20-летия Октября против строительного института. Теперь семья его где-то под Ленинградом. Но какой воронежец забудет город, в котором он родился и вырос!

Эту заметку я написал по просьбе редакции «Молодого коммунара», приславшей в Антарктиду радиogramму: «Напиши землякам несколько слов к Новому году». Я подумал, о чем же важнее всего написать? Решил: надо о своих земляках. Полчаса назад я связался из Мирного по радио с Иваном Ушаковым. Он благополучно дошел со своими друзьями к «Востоку». Борису я только что позвонил по телефону.

Трое воронежцев шлют из Антарктиды сердечный новогодний привет землякам! Желаем всем трудовых успехов и больших радостей в Новом году!

Мирный. Антарктида. 1 января 1964 г.

До встречи, друзья!

Радиограмма с борта самолета Ил-18 № 75743

Благополучно взлетели. Сначала ушел самолет Александра Сергеевича Полякова, через десять минут стартовал наш Ил-18. Сейчас я спросил пилотов Михаила Протасовича Ступишина и Игоря Владимировича Ляховича: «Как взлетали?» Они ответили: «Взлет был сложным. Самолет трясло на ледяной полосе, но, как видишь, все хорошо».

И вот летим. Вспоминаю последние события перед стартом...

Уже заправлены самолеты. Командир перелета Москва – Антарктида – Москва Герой Социалистического Труда А. С. Поляков утром говорил по радио с новозеландским аэропортом в Крайстчерче. Ему ответили: «Ждем. Вылетайте. Погода благоприятная».

В Антарктиде полный штиль. Утих штормовой ветер. Он начался под Новый год и двое суток не давал покоя летчикам. Радисты непрерывно посылали запросы на зарубежные станции: «А что у вас?» Надо было знать, как развивается циклон. Позавчера американская станция Мак-Мердо была готова принять нас, но потом срочно предупредила: «Вылетать нельзя – аэродром размяк, на полосе стоят лужи».

Всю ночь на взлетной полосе работали тракторы и бульдозеры. И вот все готово. На сани грузятся вещи зимовщиков. Радисты поставили пластинку. Над Мирным звучит традиционная и очень желанная песня. Зимовщики сидят за столом в соседней комнате.

В последний раз вместе. Уже выпит «посошок» на дорогу. Сказаны все слова, какие должны сказать друг другу мужчины после трудного и успешного дела. Одиннадцать человек улетают самолетом. Остальные будут ждать пароходов, которые уже недалеко. «Эстония» швартовалась сегодня в австралийском порту Фримантле и завтра выходит в Мирный. «Обь» благополучно прошла «ревущие сороковые» широты.

Одиннадцать отлетающих вышли в последний раз взглянуть на Мирный. Парни стоят у обрыва снегов. Сзади – ледяной купол материка, антенны, притихшие тракторы, скрытые в снегу домики, где люди жили более года. За обрывом – прибрежный лед в трещинах, темные глыбы острова Хасуэлл. Ребята сняли шапки. Это минута памяти тех, кто навечно остался во льдах Антарктиды. За восемь трудных лет Антарктида отняла пятнадцать человеческих жизней. Имена людей отлиты на бронзовых плитах острова Хасуэлл. «Прощайте, друзья, мы улетаем. Мы всегда помним о вас!»

И вот уже к взлетной полосе пошел первый трактор. Последние хлопоты. Отдают письма и посылки на Родину, обмениваются адресами, приглашениями в гости. Люди сроднились в этом суровом краю. Вчера все вместе после работы слушали передачу московского радио, слушали голоса родных и друзей. Сегодня для тех, кто летит, дом стал совсем близким.

Прощай, белая Антарктида!

Идем сороковую минуту. До сих пор перед глазами картина проводов. Объятия, поцелуи, салют из ракетницы. Потом разбег самолета, люди с поднятыми вверх руками. Послали с борта в Мирный радиограмму: «Спасибо! Спасибо за все!»

Итак, курс на Москву. Взлетели в 11 часов 11 минут. В двадцать часов по московскому времени должны приземлиться в Крайстчерче (Новая Зеландия). В Москве будет вечер. В Крайстчерче – пять часов утра. Взлетели со льдов. Приземлимся в разгар цветущего лета. Будем лететь над морем 5215 километров – девять часов без посадки.

На борту все в порядке. Снимаем меховые куртки, шапки и сапоги, достаем галстуки и белые сорочки. Родственникам будет приятно узнать: нашим самолетом домой возвращаются радисты Мирного Сергей Иванович Перевезенцев, Сергей Федорович Калинин, Борис Александрович Григорьев. С ними вместе начальник станции «Молодежная» Павел Морозов, радист Олег Брок, механик Мирного Николай Данилович Пройдаков и повар Шакир Магдеев.

На нашем борту возвращаются в Москву заместитель начальника Управления по изучению Арктики и Антарктики Юрий Андреевич Хабаров.

Наш маршрут: Мирный – Крайстчерч – Сидней – Дарвин – Джакарта – Рангун – Калькутта – Дели – Ташкент – Москва.

Штурман ловит астрокомпасом солнце. Шакир Магдеев готовит обед. Таков быт на борту самолета. Радист Коля Старков уверенно держит связь с Мирным и сейчас передает эту радиogramму. До встречи, дорогие друзья!

Домой!

Трансконтинентальный перелет Москва – Антарктида – Москва проходит успешно. В ночь на 4 января два советских самолета Ил-18 благополучно пересекли океан и, покрыв за восемь часов тридцать минут 5215 километров, наконец-то приземлились в Новой Зеландии. Сутки пассажиры и экипаж отдыхали в Крайстчерче. Доктор географических наук Алексей Трешников встретился вчера вечером с руководителями американских антарктических экспедиций. Журналисты провели день с советской киноэкспедицией, которая снимает фильм о природе островов Южного и Северного полушарий.

В Новой Зеландии сейчас лето. На нивах желтеют хлеба. Но погода стоит прохладная. Новозеландцы, пришедшие проводить наши самолеты, одеты в свитеры и плащи...

Эта радиogramма передается сразу же после взлета через радиостанцию Мирного. Оба самолета взяли курс на Сидней. Впереди четыре часа полета. Потом двухсуточный отдых.

В конце недели самолеты, пролетев Австралию, Индонезию, Бирму и Индию, приземлятся в Москве.

Борт самолета 75743. 5 января. (По радио.) 7 января 1964 г.

Здравствуй, Москва!

Трансконтинентальный антарктический перелет завершен

Два самолета Ил-18 идут по последней прямой: Ташкент – Москва. Идут над родной землей. По этому случаю на борту открыли бутылку шампанского. Бумажные стаканчики подняли все, кроме летчиков. Взволнованный тост сказал полярник Геннадий Григорьевич Тараканов. В Антарктиде он целый год работал с американцами на базе Мак-Мердо и сейчас нетерпеливее всех ждет приземления.

Пятьдесят два дня самолеты не были дома. Москва – Антарктида – Москва. Пройдено 50 тысяч воздушных верст. Это равно одному витку вокруг земного шара. Все было в этой большой дороге. Было чужое небо с фиолетовыми облаками и незнакомыми южными звездами. Радисты в наушниках слушали чужую речь навигаторов. Были ночные незнакомые аэродромы. Тысячи километров воды без единого ориентира. Только приборы, звезды и солнце помогали штурманам определять дорогу. Самолеты пролетели над семью странами: сегодня снега, завтра пальмы. Два раза пересекали экватор. В Антарктиде самолеты заносило снегом почти под самые крылья. Над экватором обходили грозовой фронт. Самолеты кидало так, что вещи бились о верх кабины и люди узнавали состояние невесомости. Временами летели в сплошных потоках воды – в иллюминаторы нельзя было разглядеть концы крыльев. Очень трудными и опасными были взлет и посадка на ледовую полосу в Антарктиде.

Теперь все позади. Выдержано труднейшее испытание. В Антарктиду доставлены люди и грузы для важной экспедиции в глубь континента. На станцию «Молодежная» доставлена новая смена зимовщиков и строителей. Но не все, что было задумано, удалось выполнить. Предполагался большой перелет в глубь Антарктиды, в район белых пятен антарктической карты. Скрепя сердце от полета пришлось отказаться. Слишком велик риск взлетать на колесах и садиться на капризный антарктический лед. Нужны самолеты на лыжах. В Антарктиде много говорят о таком самолете. Арктика и Антарктика стали бы много доступней, если бы был такой самолет. Не надо было бы рисковать, посылая в рейсы с большой перегрузкой маленькие самолеты. Не надо было бы снаряжать дорогие, изнуряющие людей тракторные поезда. У нас есть для работы в полярных широтах хорошая машина Ан-10. Надо только поставить ее на лыжи. Есть много решений на этот счет, но дело, к огорчению полярников, движется плохо.

Шаг с трапа, и полярники ступили на московскую землю. В окружении родных и близких они отвечают на приветствия земляков.

Что касается перелетов до Антарктиды, то при всех сложностях это теперь уже не проблема. Трасса Москва – Антарктида обжита...

Последние две сотни километров полета. Скоро Москва. Ребята-зимовщики обмениваются адресами, с нетерпением поглядывают в иллюминаторы. Заснеженная родная земля проплывает под самолетом. Еще полчаса – и последняя, девятнадцатая посадка в этом большом перелете. Летчиков можно поздравить с окончанием сложной работы. Они вполне заслужили, чтобы мы еще раз назвали их имена. Командир корабля-флагмана – Герой Социалистического Труда Александр Поляков. Командир второго корабля – Герой Советского Союза Михаил Ступишин. Пилоты – Борис Майоров и Игорь Ляхович. Штурманы – Михаил Шерпаков и Александр Шамес. Радисты – Владимир Меньшиков и Николай Старков. Бортмеханики – Николай Глазырин, Сергей Лаврентьев, Аркадий Воронин и Сергей Балашов. Инженеры – Николай Пишков и Василий Ткаченко. Инспектор – Олег Архангельский.

Эта заметка передается в редакцию после приземления в порту «Шереметьево». Как раз в эти минуты около самолета жаркие объятия, цветы, слезы радостной встречи. Летчиков и зимовщиков встречают журналисты, родственники, друзья.

В аэропорту возникла летучая пресс-конференция. О значении перелета журналистам рассказал заместитель начальника Управления полярной авиации ГВФ Михаил Андреевич Филиппин. Он сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.